

ВЛИЯНИЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ МЕНТАЛИТЕТА ВОСТОЧНЫХ БЕЛОРУСОВ

Словно по иронии судьбы, не приняв радикальных, “прозападных” реформ, начатых официальной православной церковью при поддержке царского двора, часть старообрядцев выслалась сначала на западные рубежи Российской империи, а затем и за границу, в Литву, на территорию современной Беларуси. “В первые десятилетия раскола основная масса старообрядцев-поповцев устремилась к расселению по двум направлениям: на Дон и в Черниговский край – в район Стародубья. ... От стародубских старообрядцев часть отпочковалась и, перейдя польскую границу, основала свои поселения в местности Ветка на реке Сож” [1, с. 61] Не легкой жизни искали непокорные беглецы и не только старые иконы и церковные книги, старую веру и церковные обряды сохраняли люди, выбравшие для своей новой Родины не теплые черноземные степи Причерноморья, а мало приспособленные для жизни территории заболоченного тогда Белорусского Полесья. Как показала потом более чем двухсотлетняя практика, в понятие “старый обряд” возможно и не вполне осознанно, но совершенно реально, старообрядцами включались не только набор старинных богослужебных книг, икон старого письма и церковно-служебных ритуалов, но и вся совокупность жизненного уклада, социальных норм, обычаев и традиций, принципиальных основ человеческого взаимодействия, выработанных, выстрадан-

ных славянами, в том числе и в производственно-хозяйственной жизни.

Расположенная на некогда заболоченном месте, Ветка достаточно быстро превратилась не только в раскольничий духовный, но и во влиятельный торгово-производственный центр. Как утверждают историки, “и стародубские и в особенности ветковские поповцы развсрнули активную промысловую и торговую деятельность” [1, с. 61].

Сохраняя свой внутренний духовный мир, ветковские старообрядцы не были фанатиками, ушедшими в непроходимые дебри, отгородив себя от всего мира. Производственная и особенно торговая сферы деятельности ветковских старообрядцев является подтверждением того, что они находились с местным населением в тесном хозяйственном взаимодействии. Высокая экономическая эффективность, упорядоченность духовной и мирской жизни, высокая культура быта ветковчан, помимо их воли стали своеобразной школой измерения благополучия. К примеру, историк конца XIX в., отмечает, что “гомельские старообрядцы соперничали зажиточностью даже с соседними ветковцами” [2, с. 24] (выделено мною, В.К.).

В течение двух с половиной столетий отстаивания своего самобытного образа жизни, старообрядцы Беларуси выработали и поддерживали свой собственный, закрытый от внешнего мира, достаточно жесткий жизненный алгоритм. К концу XIX в. по образу жизни, обычаям, обрядам, старообрядцы белорусских губерний значительно отличались и от белорусов, и от православных великоруссов. По мнению очевидцев, православное великорусское население “... сильно сливается с белорусским, представляет мало типичных черт, составляя переход от белорусских к псковским, московским и калужским великоруссам” [3, с. 207]. В отличие от православных россиян, “великоруссы-старообрядцы совершенно не сливаются с белорусами, и как в языке, так и во всем домашнем обиходе твердо держатся своей национальности” [3, с. 204].

По свидетельству современников, быт, уклад жизни старообрядцев конца XIX в. выгодно отличались от соседних этносов. “При самом въезде в городок ... можно встретить подряд несколько домов, представляющих собою контраст с общим видом местечка и даже контраст с преобладающим типом построек. Большая деревянная изба срублена по-великорусски с косящатыми окнами, украшенными резьбой великорусских образцов; вы-

сокий тесовый забор окружает весь двор; ворота и калитка облицованы затейливой резьбой; на воротах восьмиконечный крест... Это – жилище великорусса-старообрядца.

В сельских поселениях дворы старообрядцев более подходят к крестьянским, хотя все-таки резко выделяются своим великорусским типом, размерами, резными карнизами, наконец, разделением дома на две половины – жилую и чистую; в жилой, сходной по устройству с белорусской избой, живет семья, занимаясь хозяйственными работами. В чистой половине – пол крашенный, столы, стулья, голландская печь и в углу двухспальная кровать, завешанная коленкорovým или ситцевым пологом. В комнате расставлены сундуки с ценным платьем и вещами. Здесь помещаются хозяин и хозяйка. Эта же комната служит для приема гостей. В обоих помещениях много икон, особенно в чистой комнате. Везде чистота и опрятность безукоризненные. Следует добавить, что великорусская баня является неизбежной принадлежностью старообрядческого двора” [3, с. 204].

Отличительной чертой, выделяющей старообрядцев среди местного населения, являлась их “многопрофильность” и высокий профессионализм их деятельности. В отличие от местного населения староверы-земледельцы вели, говоря современным языком, не экстенсивное, а интенсивное землепользование. По свидетельству очевидцев, именно стараниями старообрядцев на территории восточной Белоруссии распространялось огородничество и садоводство. “Среди старообрядцев, живущих в селах и деревнях, громадное большинство занято земледелием, среди живущих в городах большинство занимается садоводством и огородничеством” [3, с. 206].

В отличие от местного населения, старообрядцы-огородники “разводят всевозможные овощи, как то: капусту местную, греческую, коломенскую, сабурскую, огурцы местные, муромские и вязниковские, морковь простую и воробьевскую, свеклу кормовую и столовую, красную и черно-красную салатную, брюкву кормовую и столовую, а также репу, редьку, редис, тыкву, лук, чеснок, салат, петрушку, фасоль, сахарный горох и другие овощи и пряные растения” [3, с. 251].

Не имея в достатке своей земли, старообрядцы арендовали ее у местных помещиков. Кропотливый огороднический труд староверов был достаточно эффективным и приносил высокие прибыли. Так, при средней стоимости аренды за одну десятину 50 –70

рублей, средняя выручка с десятины под огурцами у старообрядцев-огородников доходит до 350 рублей [3, с. 251].

Помимо высококвалифицированных специалистов-земледельцев “из старообрядцев выходят очень дельные торговцы, иногда весьма богатые, и ремесленники; многие занимаются подрядами. Ведя трезвую жизнь, отличаясь природной сметкой, физической крепостью, имея опору в случае материальной нужды у своих единоверцев, старообрядец является прекрасным работником, торговцем и подрядчиком, заслуживающим всеобщее доверие. В западном крае относятся к старообрядцам с большим уважением как к деловым людям, хотя и не всегда их долюбляют. По сравнению с торговцем и ремесленником – евреем старообрядец отличается гордостью и недоступностью. Он не продаст гнилой товар за свежий по дорогой цене и, раз назначив цену на товар, неохотно ее сбавляет, старообрядец-торговец столь же неохотно открывает мелкий кредит. Во всех этих отношениях еврей податливее. Впрочем, несмотря на конкуренцию евреев, старообрядцы очень хорошо устраивают торговые и ремесленные дела” [3, с. 206]. (Выделено мною, В.К.).

Таким образом, правомерно делать вывод о том, что старообрядчество оказало позитивное влияние на формирование рациональных черт менталитета восточных белорусов

1. Крывелсв И.А. История религий. Т. 2. М., 1976.

2. Виноградов Л. Гомель. Его прошлое и настоящее. Факсимильное воспроизведение издания 1900 г. Гомель, 1990.

3. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб, 1904.